

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМИОТИЧЕСКОЙ АНТИНОМИИ СВОЙ / ЧУЖОЙ В ПОЭТОНИМОСФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Реферат. Семиотическая антиномия “своего” и “чужого” обладает специфичностью национально-культурного порядка. Человек всегда находится в центре **своего** мира, за границами которого лежит мир **чужой**. Эта оппозиция находит воплощение в разных сферах жизни, в том числе и в антропонимике. В сознании человека складывается морфологически узнаваемый национальный стандарт своих имен, с которыми он сопоставляет все иные. Это обстоятельство не остается без внимания художников слова, которые используют семиотическую антиномию **свой-чужой** для достижения и усиления стилистического эффекта, демонстрируя большое разнообразие приемов реализации этого феномена. Поэтоним, живущий по законам своего языка, будучи перемещённым в языковое поле чужой культуры, стремится преодолеть барьер языковой несовместимости и либо адаптируется к новым культурным условиям, либо отторгается ими. В глобальном смысле этот процесс является стремлением преодолеть вечный антагонизм **своего** и **чужого** миров.

Ключевые слова: инокультурный онимикон, инопоэтоним, лингвокультура, поэтонимосфера, семиотическая антиномия, свой, чужой.

Оппозиция **своего** и **чужого** лежит в основе семантической антиномии, истоки которой восходят к мифологическому сознанию. Мифологическая мысль, создавая ориентиры для

сосуществования человека с природой, открыла фундаментальную оппозиционность мира. Оппозиции соответствовали базовым пространственным отношениям (*верх – низ, правый – левый, дом – лес*), временным (*день – ночь, лето – зима*), природным (*огонь – вода, воздух – земля*), цветовым (*белый – черный*), социокультурным (*предки – потомки, старший – младший, свой – чужой*), метафизическим (*свет – тьма, жизнь – смерть, космос – хаос, сакральный – профанный*) [5, 6]. Каждая из таких пар соотносится с генеральным противопоставлением хорошего и плохого, благоприятного и неблагоприятного. При этом антиномии *верх – низ, свет – тьма, жизнь – смерть, добро – зло* и некоторые другие представлены во всех мировых культурах и являются универсальными для всех народов. На их основании возводятся антиномии вторичного порядка, образуя специфичные оппозиции, отражающие реалии культуры определенных наций [6, с. 516; 12, с. 27–28].

Семиотическая антиномия *свой – чужой*, являясь отражением универсальных противопоставлений Космоса и Хаоса, Света и Тьмы, Добра и Зла, обладает специфичностью национально-культурного порядка. С доисторических времен до наших дней она оказывает на человека влияние, которое прогнозируемо будет продолжаться и в будущем. Диапазон её функций – от консолидации племени в борьбе с общим врагом до враждебного раскола внутри государства и межгосударственных конфликтов. Наблюдатель всегда находится на положительном полюсе, символизирующем порядок (космос), свет, добро – всё позитивное, с чем он себя отождествляет. Он находится в центре мира *своего*, за границей которого находится *чужое*: нехоженое, непонятное, недоброе, враждебное, иное, чуждое. Мир “чужого” потенциально является миром “плохого”, в крайнем проявлении – “враждебного”. В антропологическом смысле это мир иных / “чужих” людей, иного / “чужого” языка, в антропонимическом – мир иных / “чужих” имён.

Именослов человеческого коллектива – племени, народности, народа – всегда подчиняется законам языка этого коллектива. Люди с детства впитывают родную лингвокультуру и функционирующие в ней имена. При освоении нацио-

нального именика в памяти человека создаётся своеобразная база данных. Усвоенные антропонимические модели способствуют образованию в сознании человека морфологически узнаваемого национального стандарта “своего” имени, с которым он автоматически сопоставляет все другие, попадающие в поле его зрения, сортируя их по принципу “свойства” или “чужести”.

Хранящееся в коллективной языковой памяти народа и, таким образом, имеющееся в каждом национальном языке ясное представление об особенных, отличительных качествах имени как знаков принадлежности к “своим”, относится к ряду факторов, которые никогда не остаются без внимания как носителей языка, так и художников слова.

Вот простой, но показательный пример. В одном из учебников русского языка для иностранных студентов есть задание определить, на каком языке говорят люди, носящие имена Иван и Любовь, Пьер и Жан, Джон, Ли Сяолин, Такаси, Кармен и Родриго, Курт, Мохаммед и Хусейн [23, с. 79]. Каждое из предложенных в задании имён обладает определённым набором национально-характерных признаков, за которыми легко угадываются русский, французский, английский, китайский и другие языки. Эти личные имена выполняют здесь экземплификативную функцию, представляют своего рода визитные карточки национального ономастикона, являются отчетливо-демонстративными знаками национальности, и способ их декодирования довольно прост.

Быть своим – значит, именоваться по-“свойски”. Имя же “чужого” сразу обращает на себя внимание коммуникантов. В рассказе С. Довлатова «Ослик должен быть худым» сотрудник американских спецслужб носит имя *Джон Смит* [4, с. 75–105]. Заброшенный с разведывательной целью в Советский Союз, он для конспирации именуется Петром Ивановичем, сменив яркий англо-американский экземплификатив на не менее яркий русский. Настоящее же имя героя сыграло с ним трагикомическую шутку. Записавшись на курсы иностранных языков («мечтаю “Сагу о Форсайтах” в подлиннике читать») и услышав предложение: “Май нэйм из Джон Смит”, – шпион решает, что это провал, и в панике совершает попытку самоу-

бийства [4, с. 97]. Абсурд ситуации заключается в том, что он не воспринял произнесённую фразу как обучающий пример, а присутствующее в ней имя “Джон Смит” – как национальный антропонимический эталон. Смит среагировал на своё же имя как на “чужое” в условиях чужой, но по правилам игры “своей”, реальности¹.

Писатели, наделяя своих персонажей именами инокультурного онимикона, используют эти качества для актуализации свойств семантической ауры поэтонимов, “чужая” этнокультурная специфика которых ярко проявляется на фоне “своей”. Имя, обладающее комплексом признаков той культуры, из которой оно заимствовано, оказавшись погружённым в “иную” языковую среду повествования, удостаивается особого внимания читателя, ибо в нём происходит столкновение двух онимокультур, которое становится одним из дополнительных (иногда очень весомых) средств художественной характеристики образа. Отмечается большое разнообразие приёмов реализации этого феномена.

Писатель может использовать оригинальный вид заимствованного имени. Так, в поэтонимосфере романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина встречается ряд имён, сохраняющих не только фонетически, но и графически “чужой” облик. Среди них антропоэтонимы, соотносимые с известными реальными именами исторических и знаковых в культурном отношении личностей (*Madame de Stael, J. J. Rousseau, W. Scott* и др.), имена литературных персонажей различных писателей (*Yorkick, Jean Sbogar, Child-Harold*), антропоэтонимы, именующие персонажей-иностранцев романа (*Monsieur l'Abbe, monsieur Guillot*), “офранцузенные” диминутивы имён, обиходные в русской дворянской среде, (*Annette, Pachtette*), артипозтонимы-названия музыкальных произведений (*Benedetta, Idol mio*), поэтонимы-названия городских топографических объектов (*Casino, Talon*). Некоторые из них используются поэтом то во французской, то в русской орфографии (*Guillot – Гульо*), в разных фонетических вариантах (*Child-Harold – Чальд-Гарольд – Чильд-Гарольд*), что свидетельствует либо об отсутст-

¹ Об экземплификативной функции имён см. работу «Иванов, Петров, Сидоров ...» Клубкова П. А. [7].

вии во время написания романа устоявшихся транслитерационных норм, либо о том, что английский язык был и остался для “француза” Пушкина чужим.

Нетранслитерированная поэтонимия «Евгения Онегина» в значительной степени обусловлена широким распространением в дворянском быту “онегинской” эпохи иностранного, преимущественно французского, языка. (Вспомним, что и главный герой романа “<...> по-французски совершенно / Мог изъясняться и писал” [16]. Знание французского было одним из социальных маркеров времени, “пропускным листом для входа в гостиную хорошего тона”, и вкрапление в родную речь иностранных имён или изменение родных имён на иностранный лад было данью моде [11]. Опираясь на реальную речевую традицию, Пушкин использовал “чужие” имена, с одной стороны, для “бытописания” своей эпохи, её историко-культурного состояния, с другой, – добивался реализации своего художественного замысла, достигал нужного стилистического эффекта (например, комического – при “обыностранивании” русского имени *Паша* от *Прасковья* французским *Pachette*) в характеристиках персонажей. В совокупности это создаёт в романе эффект присутствия мира иностранного, “чужого” в русском быту.

Однако оригинальный графический вид иноязычного имени, не обусловленный целостным комплексом стилистических факторов его функционирования, подобным описанному выше, является только формальным признаком “чужести”. Писатели добиваются реализации своих художественных идей и в отсутствие иностранной графики.

“Он был родом серб, как видно было из его имени”, – повествует Печорин о *Вуличе*, главном персонаже заключительной главы романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» «Фаталист» [9]. Имяобразующий формант антропонима *Вулич* – старославянский патронимический суффикс *-ич* (*-ic* или *-iĭ* в латинице, *-ih* в кириллице) – встречается, в основном, в фамилиях сербского, белорусского, польского, украинского, еврейского, русского происхождения и реже других национальностей. Простое сравнение словарных списков (без учета статистики) показывает, что наибольшее их количество нахо-

дится в корпусе сербских фамилий, а историческая справка о периоде, предшествующем созданию романа, свидетельствует об их распространённости в России [17, 27].

Первоначально в романе (в рукописи) Лермонтов использовал фамилию своего знакомого И. В. Вуича (1813 – 1884), серба по национальности, воспитанника Школы юнкеров. Ещё до выхода в свет отдельного издания романа в журнальных публикациях его глав герой «Фаталиста» становится *Вуличем* [9, с. 641]. Лермонтов, устранив двугласное зияние, уклонился от буквального воспроизведения фамильного имени реального исторического лица в романе, к тому же И. В. Вуич не являлся прототипом литературного героя. Формальное сходство их имён понадобилось для того, чтобы придать отчётливый сербский колорит антропоэтониму.

Сербы и сербские личные имена ко времени издания романа (1840) не были в России в диковинку, и фамилия *Вуич* на её территории не была уникальной. Предки Вуичей, русского дворянского рода сербского происхождения, как и многих других представителей этой национальности, массово появились здесь в середине XVIII в. Это был период активной миграции сербов из турецких пределов и от австрийских границ в Россию. Как правило, они пополняли русскую армию. По правому берегу Северского Донца (территория современной Луганской и Кировоградской областей Украины) им были выделены земли для поселения, солдат приписали к государственным крестьянам, офицеры получили дворянство. Впоследствии сербских крестьян потеснило украинское казачество [20, с. 213–221; 10]. Таким образом, сербские фамилии с суффиксом *-ич* были знакомы разным социальным слоям населения Российской империи.

О “сербской” теме в России подробно пишет А. Б. Пеньковский. Анализируя “чужие” имена в драме Лермонтова «Маскарад», он сопоставляет фамилию персонажа князя Звездича с фамильными именами исторически реальных “русских” сербов офицерского звания, щедро одаренных Екатериной II дворянскими титулами и поместьями. Представители родовых русских аристократов и их современники неодобрительно, даже презрительно, относились к новоиспеченному дворян-

ству "... Миленко-Стойковича, Стерича, Нерича, Штерича, Георгиевича ..." и им подобных [15, с. 51–52, 438]. Организованные в соответствии с языковой моделью приведенных выше имён фамилии "Вулич" и "Звездич", виртуально могли быть продолжением данного антропонимического ряда. Как пишет А. Б. Пеньковский, соотнося антропоним *Вулич* с объединенной по семантическому принципу "чужести" парой *Звездич – Штраль* («Маскарад»), это – "... чужие имена. Они чужие прежде всего с точки зрения языка. Они не русские. Они чужезычны" [15, с. 51].

Поэтонимы *Вулич* и *Звездич* не имеют протонимических соответствий в реальном онимиконе национальных языков. Они образованы по одинаковой языковой модели – суффиксальным способом. Их производящие основы семантически в разной степени доступны адресату какой-либо одной лингвокультуры. Для русскоязычного реципиента в фамилии персонажа *Звездич* ярко выражена семантика её основы, тогда как внутренняя форма поэтонима *Вулич* может не вызывать столь же очевидных семантических ассоциаций, особенно если адресат не отягощен знанием других языков. В этом случае гипотетически возможно наличие мотивированности номинации со стороны *чужой* языковой культуры, обусловившей генезис имени.

Фамилия *Вуич / Vujić* как патроним означает "сын Ву(я)". В основе узуальной фамилии лежит имя *Vuk* – "волк" по-сербски. Такое неканоническое защитное имя, призванное отпугивать злых духов, давали слабому, болезненному ребенку. Среди производных от него – имена *Vukadin, Vukajlo, Vukan, Vukomir* и их гипокористические формы *Vuko, Vičko, Vujo, Vukoica, Vule*. Отсюда, фонетически самый близкий вариант: *Vujić* от *Vujo*. Повторив всю процедуру для произведенного имени, находим созвучную гипокористику и получаем *Вулич* от *Vule* из уже представленного ряда. Таким образом, и *Вуич*, и *Вулич* означают 'сын Волка, Волков (сын)'.

Налицо ситуация, когда писатель, вольно или невольно, искусственно создает по иноязычной модели имя, которое, не будучи узуальным ни для онимикона, "свойственного" читателю художественного произведения, ни для онимокультуры, в лоне которой оно зародилось, более понятно носителю чу-

жого языка, чем “своему” адресату. Но ощущение иностранного, в данном случае сербского, колорита связано не только и не столько с семантической неочевидностью производящей основы “чужого” имени, сколько со всем комплексом лингвальных и экстралингвальных факторов его бытия.

Попадая в чужую языковую среду, имя не всегда сохраняет в неприкосновенности свою национальную самобытность. Принимающая культура может как отторгнуть его, так и принять в свой языковой строй, подвергнув различным преобразованиям.

В реальном ономастиконе любого народа имеются многочисленные примеры такого имятворчества. Рассмотрим несколько примеров.

Имя американского композитора и пианиста Джорджа Гершвина (George Gershwin), данное ему при рождении, – Яков Гершовиц (Jacob Gershovitz). Он родился в семье еврейских эмигрантов из Белоруссии, которые при натурализации “американизировали” свои имена [13, с. 971]. Всемирно-известная кинокомпания «Warner Brothers» названа в честь четырех братьев Воронов, которые после эмиграции в США (тоже из Белоруссии) стали Уорнерами [18]. Мальчики Иосиф и Николай Штейнкнеры из Рыбинска (Ярославская область) на американской земле сыграли ключевую роль в развитии киноиндустрии США. Но они известны всему миру под именами Джозеф и Николас Шенки (Josef Michael and Nicolas Michael Shenk). Джозеф стал основателем Голливуда, а его брат Николас создал крупнейшую фирму «Metro-Goldwyn-Mayer» [2]. В Кировском районе города Донецка есть улица им. Пинтера, названная в честь американского шахтера, прибывшего в 30-х годах прошлого столетия в шахтерский край по линии Общества технической помощи России с целью участия в восстановлении угольной промышленности Донбасса. Джона Пинтера (John Pinter) на донецкой земле нарекли по традиции славянской трехчленной антропонимической системы Иваном Матвеевичем (от John и Mathew/Matthew). Потомки Пинтера по сей день проживают в Донецке [8, с. 12–13]. У композитора и певца шансона Вилли Токарева семантически значительны все составляющие антропонимического трехчлена. Родители нарекли его Виленом, искусственным именем из

идеологического арсенала, производным от *В. И. Ленин*. Имя дополняют архетипическое русское отчество *Иванович* и фамилия с социально-профессиональным содержанием. Взятое музыкантом во время проживания в США имя Вилли (Willi) совпадает с популярным в англоязычном мире *Willie* (= *Willy*, гипокористика от *William* – Вильям, ист. Вильгельм²). Это имя “привязывает” композитора к англо-американской культуре, фамилия же сохраняет информацию о “корневой системе”.

Подобные примеры можно продолжить. В них обращает на себя внимание географическая составляющая каждой из ситуаций: жизненные обстоятельства заставляют человека кардинально изменить место проживания. Для адаптации в новых (других/иных – **чужих**) условиях (страна, язык, культура, социальное окружение) подвергается изменениям его личное имя, и вместе с новой манерой номинации начинается новый (другой/иной) этап его жизни (далеко не всегда столь успешный, как в приведенных примерах).

Степень и способы языковой трансформации адаптируемого имени, наличие у него признаков новой культурной сущности и “следов чуждости” обыгрываются писателями для усиления художественной выразительности образов.

Примеры функционирования “чужих” имён в семиосфере культуры, “свойственной” читателю художественного произведения, как проявление лингвокультурного контраста находим в англоязычном романе В. В. Набокова «Pnin». Писатель, будучи с детства двуязычным (даже трехязычным – английский, русский и французский³), являет собой замечательный случай писательского полилингвизма. Имена собственные в его произведениях становятся предметом разноплановой языковой игры.

Вся поэтонимия произведения построена на столкновениях русскоязычной и англоязычной традиций именования: «“My name is *Timofey*,” said Pnin, as they made themselves comfortable at a window table in the shabby old diner, “Second syllable pronounced as “muff”, accent on last syllable, “ey” as in “prey”

² *Wilja* – desire, hope (желание – перевод наш – *O.O.*), *helm* – helmet, guardian (защита, за щитник – перевод наш – *O.O.*).

³ В детстве В. Набоков какое-то время говорил по-английски лучше, чем по-русски, а с пятилетнего возраста свободно владел французским языком.

but a little more protracted. “*Timofey Pavlovich Pnin*”, which means “*Timothy the son of Paul*”. The patronymic has the accent on the first syllable and the rest is swallowed – *Timofey Pahlch*. I have a long time debated with myself – let us wipe these knives and forks – and have concluded that you must call me simply *Mr Tim* or, even shorter, *Tim*, as do some of my extremely sympathetic colleagues»⁴ (Выделено нами. – *O.O.*) [26].

Автор обыгрывает русские имена, помещая их в англоязычный контекст. Сочетая основу русского личного имени с английскими аффиксами, он подвергает антропонимы изменениям, традиционно возможным в английском языке, в основном, с нарицательными именами. Появляются отпонимные образования *Pninian* (по-русски это может быть *пнинский* или, скорее, *пнинианский*), *Pnininizing* (*пнинизация*), *Pnininized* (*пнинизированный*), *Pningrad*, *anti-Pninist* и другие.

Писатель, подобно трансплантологу, старательно “вживляет” имя в организм чужой лингвокультуры. В поэтониме *Timofey Pavlovich Pnin* чужим для английского языка является всё: и славянская трехчленность личного имени, и необычность звучания каждого члена этой системы. Даже самое близкое к *Timofey* по звуковому составу английское *Timothy* не столько порождает тождественные ассоциации, сколько подчёркивает контраст. Возможно также, что Набоков сознательно транслитерировал русскую букву *ф* как *f*, а не более привычное для английской орфографии сочетание *ph*.

Произношение фамилии *Pnin* для англоязычного человека чрезвычайно затруднительно. Сочетание *pn* в начале

⁴ «Меня зовут *Тимофей*, – сказал Пнин, когда они поудобнее уселись перед окном захудалого старого ресторанчика. – Второй слог произносится как “*miff*” (1) ошибка, промах, неудача; 2) нескладный, неумелый или глуповатый человек, “шляпа”; *спорт*. “мазила”), а ударение – на последнем слоге, “эй”, как в слове “*prey*” (жертва), но немного протяжнее. “*Тимофей Павлович Пнин*”, что означает “*Тимоти, сын Пола*”. В отчестве ударение на первом слоге, а все остальное глотается, – *Тимофей Палыч*. Я долго сам с собой обсуждал этот вопрос, – давай протрем ножи и вилки, – и решил, что ты должен называть меня просто *м-р Тим*, или еще короче – *Тим*, как делает кое-кто из моих чрезвычайно симпатичных коллег» (здесь и далее перевод С. Ильина).

слова находим только в словах греческого происхождения, например, *pneuma*⁵ и производных от него, но и тут звук [p] не произносится: [ˈnju:mə]. Соседство согласных *pn* в английском языке возможно только в окружении гласных (опять же в словах иностранного происхождения, например, *арпоеа*⁶ [ˈæpniə]). Носитель английского языка произнесет *Pnin* с сильной аспирацией как [pˈni:n], образуя за счет эксплозивного [p] неотчётливо идентифицируемый нейтральный гласный между смычными [p] – [n]. Набоков демонстрирует эти затруднения в речи Judith Clyde, когда она, представляя русского профессора, сомневается, правильно ли произнесет столь непривычную для своего языка и слуха фамилию: “Tonight we have here, I am proud to say, the Russian-born, and citizen of this country, Professor – now comes a difficult one, I am afraid – Professor *Pun-noon*. I hope I have it right”⁷ (Выделено нами. – О. О.). Односложное *Pnin* трансформируется в двусложный комплекс с добавленным “невнятным” начальным слогом, искажающим имя. Акустическая необычность, помноженная на явную неуверенность произносящей, делает его совсем экзотическим.

У русскоговорящего реципиента фонетические особенности поэтонима *Пнин* не вызывают затруднений, равно как и сомнений в его принадлежности к русскому антропонимическому коду. В нём ощущается определенный “историзм”. Его истоки восходят к традиции второй половины XVII века, когда знатные русские вельможи давали своим незаконнорожденным детям фамилию, отсекая начальный слог от своей. Так возник гипокористический ряд русских антропонимов: *Бецкий* от *Трубецкой*, *Агин* от *Елагин*, *Пнин* от *Репнин*, *Ранцов* от *Воронцов* и тому подобные [21].

Ближайший исторический аллюзийный источник для читателя с богатым апперцепционным опытом – Н. Н. Пунин (второй муж А. Ахматовой), более давний гипотетиче-

⁵ Греч.: дух, душа; англ.: 1) дыхание; 2) *рел.* святой дух; 3) *муз. ист.* невма.

⁶ Мед. апноэ

⁷ “Сегодня здесь с нами, я горда сообщить вам об этом, уроженец России, а ныне гражданин нашей страны, профессор, – теперь, боюсь, я добралась до самого трудного, – профессор *Пан-нин*. Надеюсь, я правильно это произнесла”.

ский протоним – И. П. Пнин (1773 – 1805 гг.), русский поэт-просветитель, так называемый “радищевец”, незаконный сын фельдмаршала Н. В. Репнина. Возможна и ассоциация с Н. И. Паниным (1718 – 1783 гг.), государственным деятелем эпохи Екатерины II.

Имя и отчество героя целиком соответствуют русскому ономастикону и слух русскоязычного читателя не возмущают. Но в сопряжении со всей поэтикой произведения морфологические преобразования поэтонима, не свойственные родной ему антропонимической культуре, по воле автора “очуждают” его. Даже в русском переводе романа читательское сознание непроизвольно ориентируется в сторону восприятия имени уже как *чужого*: имя-“эмигрант” и называемый этим именем человек-эмигрант навсегда отрываются от своей культурной и географической основы. Новой же культурной сфере литературный герой принадлежит только хронотопически. Социум перцепирует его как чужака, и первичным маркером этой чуждости становится акустический строй его имени. Сомнительно также, что без специального комментария англоязычному адресату доступен весь объем исходного культурно-семантического содержания “инопоэтонима”. В итоге имя оказывается *ещё* чужим среди *чужих* и *уже* чужим среди *своих*.

Таким образом, все метаморфозы поэтонима *Pnin*, все его избыточные аффиксальные трансформации – не более чем уловка писателя, языковая игра, целью которой является во все не адаптация имени в чужой лингвокультуре, а напротив, его изоляция, сохранение его национальной самобытности. Подчеркивая несовпадение лингвокультурных сфер происхождения личного имени и контекста произведения, Набоков реализует задачи художественного плана. Сносное владение языком, смена европейского стиля одежды на спортивный американский даже в малой степени не решают сложных внутренних проблем героя, а только создают видимость внешней, физической адаптации к чужеродному миру. Имя же выступает как константа, неизменная величина, характеризующая здесь внутренний мир русского эмигранта.

Распознавание “чуждости” антропонима и возможность предположения его национальной природы зависят от качества лингвистической компетенции носителя языка. При

этом наложение приобретённого лингвокультурного опыта на пласт генетически усвоенных сознанием человека коллективных представлений общества о “национальном стандарте” родного онимикона автоматизирует процесс идентификации иноязычного имени.

В романе «Алтын-толобас» серии исторических детективов Б. Акунина имя героя Корнелиуса фон Дорна, потомка швабского дворянского рода, подвергается естественной приспособительной замене для бытования в реалиях России XVII в. Оно образовано усечением его латинской основы с добавлением ударного суффикса *-ей*, характерного для русского мужского имени, – *Корней*. Это народная форма закреплённого церковной традицией в святцах и минеях имени *Корнилий* (*Корнелий*). В романе в определённой речевой ситуации употребляется его производная форма *Корнейка* (с диминутивным “низким” суффиксом *-ка*), реализующая антропонимическую модель, которая отражает социально-иерархические отношения вышестоящих чинов с подчинёнными либо самоуничижения подчинённого перед властью имущим. Такой социально сниженный, пейоративно окрашенный способ именования вполне узуален для речевой практики этого исторического периода [14, с. 161; 22, с. 316; 19, с. 48, 54]. Но употребительное личное имя в сочетании с фамилией, генетически чуждой русской языковой среде, неизбежно делает прозрачной “чуждость” самого персонажа:

– (...) Ты кто? Какого полка?

– Хрестьяна Либенавина полка третьей мушкетерской роты поручик Корнейка Фондорн!...

– Немчин? – спросил боярин (...) [1, с. 107–108].

Фамилия выступает здесь идентификатором, во-первых, “иностранности”, во-вторых, национальности героя. Нулевое окончание и отсутствие какого-либо характерного для русских фамилий суффикса, семантическая чуждость русскому языку указывают на её иностранное происхождение. Установление национального статуса обусловлено представлением о формате **чужих** именовании, которое вырабатывается у коренного населения в результате общения с пребывающими на их территории иноземцами, в данном случае – немецкими переселенцами.

Выходцы из Германии в России появились еще в IX в. Их миграция к XV – XVI вв. усилилась настолько, что в больших городах появились немецкие диаспоры, самая известная из которых – описываемая в романе немецкая слобода в Москве. Её населяли представители самых разных профессий: врачи, аптекари, торговцы, ремесленники, военные. Среди них было много обедневших немецких дворян, приехавших на поиски заработка к русскому царю. Последние, как правило, имели фамилии с приставкой “фон” – признаком дворянского титула старинного аристократического рода. По мере ассимиляции немецких переселенцев их имена и фамилии укоренялись в русской социальной среде, а титульная приставка со временем вычленилась из антропонимической формулы и в просторечии стала субститутным названием субъекта немецкой национальности. В сочетании с титулом барона, введенным при Петре I низшим знаком дворянского достоинства в России, приставка “фон” породила в дальнейшем специфические коннотации иронически-презрительного свойства:

Ох, как храбрится
Немецкий фон,
Как горячится
Наш хер-барон [3]

Морфологически немецкая титульная приставка является предлогом, указывающим исходный пункт в пространстве: “von” (нем.) – “из”, “от”, “с” (русс.). Таким образом, ассимилированная средствами русского языка фамилия “Фондорн” (*von Dorn*) означает: “из рода Дорнов”. При отсутствии ассоциативно-семантической реакции на её основу у реципиента русской лингвокультуры (разумеется, речь не идёт о билингве) закономерно возникает предположение о носителе фамилии как об одном из “фонов”, т. е. немцев. Следует заметить, что “немцами” называли не только германцев, но и любых иностранцев, не разговаривающих по-русски, “немых”.

В анализируемом фрагменте романа по той же схеме, что и *Корней Фондорн*, – доступное пониманию русскоязычного адресата личное имя в сочетании с отчётливо иностранной фамилией, – образован другой антропоним немецкого происхождения, *Хрестьян Либенавин*, просторечная адаптация *Кристиана Либенау* (фон *Лилиенклау*). Здесь иностран-

ное личное имя получает созвучную русскоязычную замену, а фамильное – характерный для русской системы номинации формант. Генетически чуждая русскому языку фамилия Либенау (Liebenaу) образована от немецкого одноименного топонима: корень “Lieb” (нем.) – “милый”, “дорогой”, “любимый” (русск.) / “Liebe” (нем.) – “любовь”, “привязанность” (русск.) и окончание –*au* от “Aue” (нем.) – “речная долина”, “пойменный луг” (русск.) [24]. Исследователи отмечают, что формант –*au* – принадлежность гидронима – является германизированным фонетическим вариантом суффикса –*ov* (–*ow*) названий географических объектов, оставшихся на территории Германии от некогда размещавшихся здесь западнославянских племен [25]. Дооформленная суффиксом притяжательного прилагательного –*in* характерно немецкая фамилия персонажа приобретает внешние признаки русской.

В художественном мире Б. Акунина на примере диакронического и диатопического развития одной династии можно проанализировать механизм адаптации иностранного имени в разных инокультурах и отражения этого процесса в языке: фон Дорн – Фондорн – Фондорин – Фон-Дорн – Фандорин – Дорин – Дронов – Дарновский – Ван Дорн – Тобиас Дорн – Пабло де Дорн – Берни Дорн ... Процесс ассимиляции иноземного имени в узком значении является ни чем другим, как одомашниванием, нахождением релевантного для родной языковой стихии варианта именованья, своеобразного перевода-транспозиции с “**темного**” **чужого** языка на “**ясный**” **свой**.

Рассмотренные примеры позволяют сделать ряд выводов. Каждый поэтоним обладает определённым набором признаков. Он живёт по законам **своего** языка и является носителем информации, отражающей особенности **своей** лингвокультуры. Будучи перемещённым в языковое поле другой, **чужой**, культуры (или шире – “инознаковое” поле), он утрачивает (либо ингибирует) ряд своих признаков за ненадобностью или неактуальностью в новом языке, но в свою очередь приобретает новые качества, невозможные прежде в рамках родной языковой системы. На чужом лингвистическом поле имя стремится преодолеть барьер языковой несовместимости и либо вживляется в новые условия и адаптируется к ним,

либо ими отторгается. В глобальном смысле этот процесс является стремлением преодолеть вечный антагонизм **своего** и **чужого** миров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. Алтын-толобас / Б. Акунин. – Москва, 2010. – С. 107 – 108.
2. Голливуд и братья Шенки из Рыбинска [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://yarcen.ru/content/view/1737/71>
3. Давыдов Д. Голодный пес [Электронный ресурс] / Д. Давыдов. – Режим доступа: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=12378>.
4. Довлатов С. Две сентиментальные истории. Ослик должен быть худым / С. Довлатов // Собр. соч. в 4 т. / [Сост. А. Арьев]. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – Т. 1. – С. 75–105.
5. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры / Вяч. Вс. Иванов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – Т. 1. – 1998. – 912 с.
6. Иванов Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
7. Клубков П. А. Иванов, Петров, Сидоров ... / П. А. Клубков // Чужое имя: Альманах «Канун». – Вып. 6. – СПб., 2001. – С. 273–294.
8. Кузьменко В. Донбассовец – Джон Пинтер / Виктор Кузьменко // Общественно-политический еженедельник «Информационно-рекламная панорама». – № 11 (1869). – 18 – 24 марта 2010 г. – 68 с.
9. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2 т. / М. Ю. Лермонтов; [сост. и коммент. И. С. Чистовой]. – М.: Правда, 1988. – Т. 2: – 1990. – 704 с.
10. Лещовицкий И. И. Сербы в России / И. И. Лещовицкий. – М.: Наука, 2003.
11. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Ю. М. Лотман [Комментарий: Пособие для учителя]. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
12. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности / А. А. Мельникова. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с.
13. Музыкальная энциклопедия / [Гл. ред. Ю. В. Келдыш]. — М.: «Советская энциклопедия», 1973. – Т. 1. – 1070 с.
14. Никонов В. А. Личное имя – социальный знак / В. А. Никонов. – Москва, 1967. – С. 161.
15. Пеньковский А. Б. Нина. Культурный миф золотого века в лингвистическом освещении / А. Б. Пеньковский. – М.: Индрик, 2003. – 638 с.

16. Пушкин А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений: В 17 т. / [Ред. Б. В. Томашевский]. – М.: Воскресенье, 1994–1996. – Т. 6. – 1995. – 700 с.
17. Редько Ю. К. Словник сучасних українських прізвищ: У 2-х тт. / Ю. К. Редько; [ред. Д. Гринчишин]. – Львів, 2007.
Т. 1: А – М. – 2007. – XXVI, 720 с.
Т. 2: Н – Я. – 2007. – 721–1438 с.
18. Русские эмигранты, оставившие свой след в истории [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://omega.gorod.tomsk.ru/index-1261513433.php>
19. Сальмон Л. Личное имя в русском языке: семиотика, прагматика перевода / Лаура Сальмон. – М.: Индрик, 2002. – .
20. Сеоба Срба у Руско царство половинном 18 века. – Нови Сад, 2003. – С. 213–221.
21. Словарь Русских фамилий [Электронный ресурс] // Мир словарей [Коллекция словарей и энциклопедий]. – Режим доступа: http://mirslovari.com/content_fam/Pnin-9429.html.
22. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 364 с.
23. Хавронина С. Русский язык. Лексико-грамматический курс. Начальный этап / С. Хавронина, Л. Харламова. – М.: Рус.яз., 2001. – С. 79.
24. АBBYY Lingvo x3. Электронный словарь / АBBYY Lingvo. – Выпуск 14.0.0.442: АBBYY, 2008.
25. Herrmann J. Die Slawen in Deutschland: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neißة vom 6. Bis 12. Jahrhundert / Joachim Herrmann. – Berlin, 1985. – S. 10, 22, 23.
26. Nabokov V. Pnin [Электронный ресурс] / M. Nabokov – Режим доступа: http://nabokovandko.narod.ru/Texts/Pnin_eng.html.
27. Zawadzki J. M. 1000 najpopularniejszych nazwisk w Polsce / Jarosław Maciej Zawadzki. – Warszawa: “Świat Książki”, 2002. – 303 s.

Оборнева О. В.

РЕАЛІЗАЦІЯ СЕМІОТИЧНОЇ АНТИНОМІЇ СВІЙ / ЧУЖИЙ У ПОЕТОНІМОСФЕРІ ХУДОЖНЬОГО ТВОРУ

Статтю присвячено відображенню семіотичної антиномії свій-чужий в поетонімосфері. Зіткнення різних онімокультур в художньому творі як втілення певного явища широко використовується письменниками для актуалізації властивостей семантичної аури поетонімів. Автор статті аналізує способи реалізації цього феномену. (Філологічні дослідження, вип. 15, 2016, с. 212–229).

Ключові слова: інокультурний онімкон, інопетонім, , лінгвокультура, поетонімосфера, семіотична антиномія, свій, чужий.

Oborneva O. V.

REALIZATION OF THE SEMIOTIC ANTINOMY ‘HOME / ALIEN’ IN THE POETONYMOSPHERE OF A LITERARY TEXT

The article is devoted to displaying the semiotic antinomy ‘home-alien’ in a poetonymosphere. The clash of different onym cultures in a fiction as the embodiment of this phenomenon is widely used by writers to update the properties of semantic aura of poetonyms. The author analyzes the ways of realization of this phenomenon. (Philological researches, ed. 15, 2016, p. 212–229).

Keywords: alien, home, linguistic culture, onymicon, poetonymosphere, poetonym of different culture, semiotic antinomy.